

БОЙЦЫ МУРа

**Новые
детективы
по реальным
делам**

ИЛЬЯ РЯСНОЙ

ТАБЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р99

Художник Андрей Мозгалеvский

Рясной, Илья Владимирович.
Р99 Табельный выстрел / Илья Рясной. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Бойцы МУРа. Новые детективы по реальным делам).

ISBN 978-5-699-83431-0

1964 год. В Свердловске бесчинствует банда рецидивиста по кличке Грек. Чтобы заполучить пистолет, он со своими подельниками убивает участкового. Затем жестоко расправляется с утильщиком, бывшим директором рынка, и с его семьей. Кровавые следы опутывают кварталы. Слухи о зверствах банды Грека расползаются по всему городу, парализуя население страхом. Люди боятся выходить из квартир. Милиция делает все возможное для поимки преступника, но все усилия сыскарей тщетны. И тогда к делу подключаются лучшие оперативники из Московского уголовного розыска. В Свердловск срочно вылетает опергруппа подполковника Поливанова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83431-0

© Рясной И., 2015
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2015

Из-за угрозы международного резонанса Никита Хрущев в 1964 году приказал засекретить это дело. Жесточайшее по меркам СССР преступление было раскрыто благодаря сотрудникам МУРа Владимиру Чванову и Свердловского уголовного розыска Николаю Калимулину, которые явились прототипами героев книги.

Глава 1

По осенней тайге, плюща мох и траву тяжелыми сапогами, шел среднего роста человек. Его лицо было обветренным и изъеденным мошкаррой, борода сваливавшейся. На его плече висело охотничье ружье. Телогрейка топорщилась от привязанных на поясе мешочков с разными нужными вещами, на спине пристроился объемистый мешок. Вид для тайги типичный. Это мог быть кто угодно — охотник, старатель, варнак, беглый зэк. Вековые деревья много кого видели на своем веку, и этот человек мало чем отличался от других.

Он имел уголовную кличку Грек. И сейчас спасал свою жизнь.

Ушел Грек вовремя. Он всегда успевал распрощаться вовремя. Те, с кем сводила его судьба и кто не успевали уходить вовремя, давно уже мертвы. Может быть, и его недавних попутчиков по жизни Глиста, Пономаря и Ржавого уже нет в живых? Греку

об этом неведомо, да и не волновали его больше их проблемы. Он ушел от них навсегда.

Семь месяцев назад Грек и несколько классических сибирских бичей, живущих чем бог пошлет и ни в грош не ценящих чужие жизни, нашли в тайге золотую жилу. Нет, они не отыскиали золото и не мыли его, собирая по крупичкам. Не будет никогда работать тот, кто может забрать все, что ему нужно, силой.

Народ в этих краях тертый, охотничье ружье более привычный предмет обихода, чем вилка и ложка. И старатели, моющие золотишко, выживающие в тайге в любую непогоду, готовые сойтись в схватке с любым хищным зверем, пусть даже этот зверь — человек, стреляют, не слишком долго думая. Поэтому за три месяца шайка потеряла двоих. Одного сразил наповал шустрый старатель. Другой бич повредил в тайге ногу, да так, что заработал открытый перелом. Ни тащить его на себе, ни лечить возможности и желания ни у кого не было, пришлось добить.

Дела делались. Золото копилось. Но однажды Грек понял — время пришло. Они слишком долго дергали удачу за хвост. И он ушел, прихватив свое. Чужое не брал никогда — крысятничество, то есть кражу у своих, считал несмываемым грехом. Один из многих грехов, которые он признавал...

Он не знал, как все обернулось на оставленной им заимке. А обернулось все так. Их шайку свободный и удалой местный народ считал бешеными псами и приговорил лиходеев. Собрались старатели, как бывало всегда, всем миром да устроили настоящую охоту. Прошли по следам, просчитали все маршруты, нашли

и положили всех без лишних разговоров и жалости. Даже хоронить не стали, бросили зверью на съедение — очень уж сильно злы на них были.

И знать об этой дикой охоте властям вовсе не обязательно. Народ тут десятилетиями на свой страх и риск мыл золотишко, потом сдавал его государству в золотоприемную кассу. После запрета на вольноприносительство в 1951 году сбавлял ушлым скупщикам-ингушам, которые начали скупать приисковое золото задолго до Советской власти. Так что государственный закон здесь особо никогда не чтили. И вопросы с залетными лиходеями старатель всегда решал сам, без сопливых рассуждений о ценности человеческой жизни. Что при царе батюшке, что в СССР — тайга большая, она все спишет. «Закон — тайга, медведь — прокурор» — это ведь не сегодня сказано и не завтра потеряет смысл...

Грек уходил длинным таежным маршрутом. Знал, что милиция и чекисты не спят и очень внимательно следят за тем, кто приезжает и покидает эти дремучие края, обыскивая людей и транспорт, вытряхивая багаж в поисках золотого песка. Оно и понятно. По их мнению, каждая золотишка должна идти в сокровищницу страны. Но золотишко, оно ведь как вода — через любые преграды и крохотные щели путь свой найдет и утечет тонким ручейком. Мимо них, комиссаров, пройдет, как они ни пыжатся.

— Совдепия, — прошипел Грек, пробираясь по кочкам через бесконечную трясику и проклиная все на свете.

Он ненавидел страну, где родился. Ненавидел людей, рядом с которыми жил. Ему хотелось чего-то

большого, чем бескрайние снежные просторы, горбатящийся за станками и на полях бестолковый народ. Ему всю жизнь хотелось воли, а его всю жизнь запирали в камеру.

— Суки краснопузые, — прохрипел он любимое выражение своего отца, относящееся к воцарившейся в России власти.

И надо же, именно после этого восклицания он и провалился в трясины. Чертыхнулся. Дернулся, пытаясь вырваться и сперва еще не веря, что это всерьез. Но жига не хотела отпускать его. Он еще раз рванулся и замер. С каждым движением трясина затягивала его глубже.

Когда мерзкая жига подобралась к груди, он вдруг совершенно ясно осознал — а ведь это конец. Ему не выбраться. Это не трясина, а сама смерть сжимает его в своих объятиях. И на этот раз она не отойдет в сторону, не отвернется, как это делала очень часто. На этот раз она заберет его с собой.

Он развел руки, рванулся, но в результате конвульсивных движений погрузился еще глубже. И уже вне себя от сдавившего его ужаса, закричал:

— Помогите!

Но смешны были его призывы о помощи. Способны лишь забавлять дикое зверье, да еще, наверное, нечистую силу, которая наверняка водится в этих проклятых бескрайних болотах. Кричи не кричи, а тут на десятки, если не на сотни километров ни одной живой души.

Грек застонал, грязно выругался, попытался из-

вернуться. С тем же успехом — только погрузился еще глубже.

Его порывы, планы на жизнь, счета, по которым надо заплатить, — все в эти минуты перечеркивалось жирным крестом. Все, нет ни прошлого, ни будущего. Остались только он и трясина.

— Нет! — заорал он.

Разум оставил его, уступив место древним инстинктам. Продолжая кричать что-то нечленораздельное, он отчаянно забился. Извернулся ужом, пытаясь скинуть с себя тяжесть овладевшей им трясины. Он погибал и должен был использовать свой последний шанс.

— Н-е-ет!

Грек рванулся, зная, что это его последняя попытка...

Лежа на твердой земле, исходя кашлем, он пытался понять, как ему удалось освободиться из плена трясины... Хотя так и должно было быть. Он всегда выбирался. Из всех трясин. Вот и сейчас — в последний момент уцепился за какую-то скрытую мхом корягу и вытянул свое отяжелевшее тело на берег. Повезло. Схватил фарт. Он вообще фартовый по жизни.

— Рано хороните, суки, — глядя в небеса, обращаясь непонятно к кому, изрек он.

Окончательно придя в себя и вернув способность к ясному мышлению, Грек навел ревизию своих вещей. И она его не порадовала. Ценнейшую часть груза — две трети мешочков с золотым песком, а вместе с ними и ружье взяла трясина как плату за проход. Плату за жизнь.

— Вот тебе бабушка и Юрьев день, — прохрипел Грек.

Золота было жалко до боли. И дело не в том, каких рисков и крови стоило его добыть. Просто Грек любил золото. Любил даже не само по себе, а какую-то его сущность, мерило ценностей, которое оно овеществляло.

Впрочем, горевать долго не приходилось. Надо действовать. Он без ружья в тайге. И ему еще предстоит выбраться на Большую землю и не попасться на глаза органам. А это было нелегко. Главное, дойти до людей. А дальше они обогреют и помогут. Только дойти. Справиться с этой тайгой, давним его врагом.

И он справился. Исхудававший, похожий на болотного черта, вышел к людям, сумел перекрутиться, добраться до Хабаровска. Там у него были кореша, имевшие большие возможности. Его по воровскому закону обогрели, накормили и помогли, чем смогли. Он сбросил часть оставшегося золота, обменяв на рубли и новые документы. И снова вперед.

Он опять остался один на один с бескрайней ненавистой страной. Дикий волк, обезжиренный, голодный, жаждущий добычи. Весь этот мир с его тюрьмами и этапами, уголовкой и участковыми, паспортами и пропиской был против него. В этой гигантской машине, со слов ее водителей, катящейся к вершинам коммунистического рая, не было места лишней шестеренке, которую звали Грек. Но это его не удручало. Он знал, что возьмет от этого мира свое, и людям, населявшим Совдепию, это обойдется дорого.

Куда двигать? В Сибири ему теперь воли нет. Да она ему и надоела. В Москву — рановато, надо немножко в себя прийти, пообвыкнуться. Сейчас ехать в столицу — это голову самому в петлю сунуть. Там слишком силен совдеповский контроль. На запад, понятно дело, надо, но куда именно?

И решил Грек навести лыжи на Урал. Он не знал, будут ли ему там рады. Но точно знал, что его примут. В его голове, из которой ничего не пропадало, как из надежного банка, хранилось множество адресов и имен по всему Советскому Союзу. Адресов людей, к которым он мог податься...

Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь — этот путь занял не один месяц, накопилось немало дел в тех местах. Но как-то не заладилось у него там.

Однажды апрельским вечером 1964 года он возник на окраине Свердловска на пороге покосившегося деревянного дома, по виду давно не знавшего доброй хозяйской руки, и произнес, глядя на мрачного оторопевшего человека, открывшего ему дверь:

— Здрав будь, хозяин.

— И тебе здоровьица, Грек, — совершенно нерастойливо произнес хозяин дома. — Ты ко мне?

— Ну, если примешь гостя.

— Приму. Я же не скурвился, как многие. Я...

— Бедновата хата, — оборвал хозяйские излияния Грек, проходя в комнату. — Но это не страшно. Поправим...

Он поставил фибровый чемодан на пол, без спроса присел за стол и криво улыбнулся:

— Ох, и дел мы с тобой, Куркуль, натворим...

Глава 2

— Василий Васильевич, принято процессуальное решение о вашем освобождении из-под стражи, — произнес Виктор Поливанов сухим официальным тоном. — Следователь сегодня официально объявит.

— Что? — Зубенко непонимающе посмотрел на сидящего напротив него высокого подполковника милиции с жилистыми руками. Костюм на страже закона сидел мешковато, узел галстука был распущен.

Тускло светила лампочка под потолком комнаты для допросов Бутырского следственного изолятора, массивная мебель была прочно прикручена к полу. Зубенко показалось, что и помещение, и мебель как бы качнулись, очертания потеряли какую-то ясность. Будто его выдернули из привычного мира и поместили в какой-то другой. Потому что в его мире подполковник не мог произнести таких слов. В его мире ему, трижды судимому рецидивисту по кличке Зуб, суждено было сгинуть в лагерях или быть расстрелянным по приговору суда.

— Следствием доказана ваша невиновность. — Поливанов снял очки и протер их бархоткой — глаза у него были красные, как у давно не высыпавшегося человека.

— Это как? — Зубенко не мог поверить своим ушам.

— Вы что, не рады?

— Это что же получается? — Зубенко встряхнул головой.

— Такие вот у нас кренделя получаются, гражданин Зубенко.

Арестованный ошарашенно глядел на подполковника. Он глубоко вздохнул, пытаясь нащупать связь с реальностью. Нашупал. Уронил лицо в ладони. Плечи его затряслись.

— Вот ведь, — прошептал он. — Как же... Извините.

Когда арестованный немного успокоился, Поливанов продолжил:

— Официальные извинения за арест вам принесет следователь. Ну а я неформально тоже прошу — извините. Мы оказались к вам несправедливы.

— Какие извинения? Спасибо. Если б... Тогда... А кто убил?

— Да местная кастанаевская шпана, — Поливанов немного расслабился, самая неприятная часть разговора миновала. — Пospорили на улице с Хилым по пьяному делу. Тот их на принцип решил взять — я, мол, вор авторитетный, все зоны оттоптал, а вы кто такие. И за финку схватился. А они ему сзади нож в спину. И весь разговор.

— Суки, суки... Порвал бы.

— А вот этого не надо, — строго произнес Поливанов. — Ими займется теперь суд...

История эта началась два месяца назад. В районе частных домов рядом с только что отстроенной многоэтажной Кастанаевской улицей был обнаружен труп с множественными колото-резаными ранами. Убитым оказался неоднократно судимый Андрей Бутыко по кличке Хилый. Приехал в Москву он после освобождения повидать друзей по зоне и погулять от души.

Убийства в Москве не так часты. И подполковник Поливанов, как начальник отдела по раскрытию особо тяжких преступлений Московского уголовного розыска, старался выезжать на каждое. За нераскрытые убийства драли страшно, каждый такой «висяк» — это гарантированная проработка по служебной, да и по партийной линии. Поэтому он старался держать на контроле все. Во всяком случае, насколько позволяли сутки с их двадцатью четырьмя часами.

Дело было ясное. Бутко по освобождении приехал к своему лучшему другу по последней отсидке Зубенко. Последний освободился два года назад, устроился работать слесарем в трамвайном депо имени Петра Апакова на улице Шаболовка, прописался у жены, с которой у него была шестилетняя дочь. Они получили полгода назад квартиру в новом доме. Но старых привычек Зуб не оставлял. Активно общался с различным уголовным элементом, пользуясь там определенным авторитетом. Была информация, что одно время он даже приторговывал огнестрельным оружием, но взять на этом его не удалось.

Так совпало, что жена — проводница поездов дальнего следования — укатила в рейс далеко и надолго, дочка жила у бабушки, а у Зуба накопилась куча отгулов, поэтому он был полностью в распоряжении Хилого. Пили они так, что дым коромыслом стоял. Потом появились какие-то потасканные дамы легкого поведения. Водка рекой, доступные женщины — ну как тут без скандала обойтись? Хилый своему тюремному приятелю что-то сказал нелестное, к чему-то там приревновал. Зуб огрызнулся. Поме-

рили друг друга матюгами от души. Хилый, человек вздорный и вспыльчивый, пообещал пришить кореша, даже махнул для острастки перед его носом финкой. А потом собрался и с обиженным видом удалился во тьму. Зуб, со слов собутыльниц, отправился следом. Вернулся через некоторое время, промышчал что-то невнятное и забылся в пьяном сне.

Когда Зубенко взяли, тот сперва отнекивался. Мол, он честный вор, а не презренный мокрушник. Потом под давлением улик признался в содеянном и просил одно — побыстрее направить дело в суд с учетом чистосердечного раскаянья и отъехать в свой дом — тюрьму.

— Стыдно перед женой, — вздохнул он, когда беседовал с Поливановым, подписав признательные показания. — Я же обещал. А она поверила... И дочка...

А Поливанова с самого начала беспокоили противоречия в деле. Да, у Зубенко была кровь на одежде, притом группа, как у потерпевшего. Но гулящие девки утверждали, что у Хилого пошла носом кровь еще во время пьянки — он сам говорил, что нос слабый, после хорошей выпивки постоянно кровотечение открывается. Локализация пятен на одежде Зубенко какая-то нехарактерная для фонтанирования крови, которое было, когда резали Хилого. Да и обвиняемый путался в показаниях, под конец заявив, что спьяну ничего не помнит, но готов подтвердить все что угодно, лишь бы ему скидка вышла и к стенке не поставили. А такой вариант тоже был. Учитывая количество нанесенных ран, следствие могло расценить преступление как совершенное с особой жестокостью,